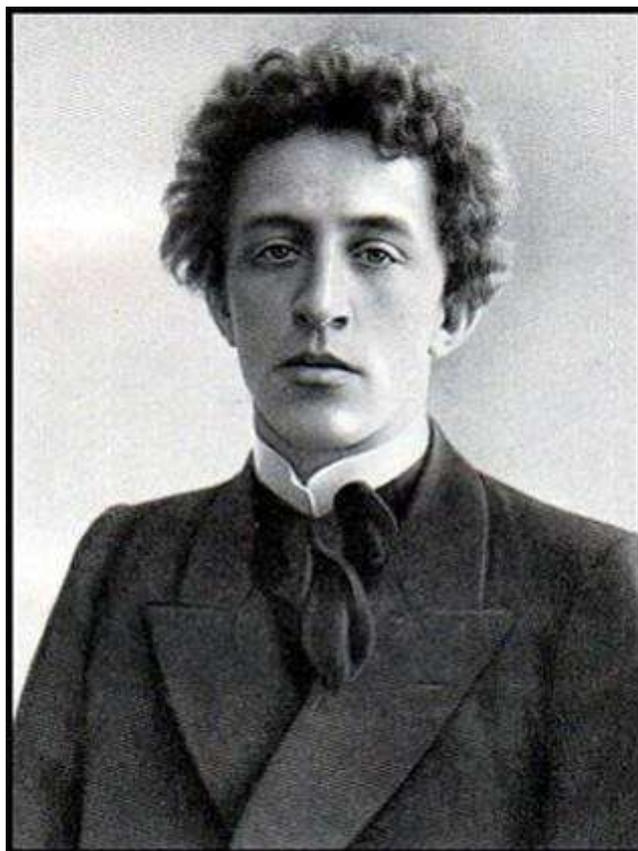
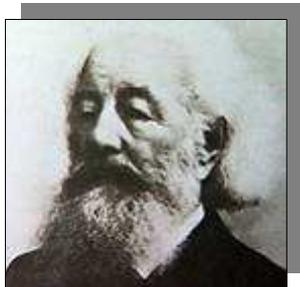

«Быть светлым меня научи...»

(о жизни и творчестве А. Блока)

Моя любовь к творчеству Александра Блока началась со стихотворения «Незнакомка», потом «Девушка пела в церковном хоре», потом «Мы забыты одни на земле...». В литературе нет единого Блока. Имеется столько «Блоков», сколько книг о нем. У каждого свой Блок.

А. Н. Бекетов,
дед Блока

У ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова было 4 дочери : Катя, Соня, Саша (или Аля-как зовут ее в семье) и Маня. Одна из сестер запишет в своем дневнике *«В 1880 году приехала Аля из Варшавы с мужем, решила с ним разойтись и остаться у нас. 16 ноября 1880 года родился у нее в*

ректорской квартире сын Саша. Саша-ангелочек прелестный и все его очень любят». Действительно, как

когда то и его мать, он всеобщий кумир и баловень.

Так что детство Саши прошло в семье Бекетовых. Это была удивительная семья, с удивительной атмосферой. Здесь очень бережно относились к слову, любили литературу, языки и театр. Литература не только предмет платонического увлечения и преклонения в семье Бекетовых: почти все они пробуют в ней свои силы: печатаются в журналах тех лет, занимаются переводами.

Андрей Николаевич Бекетов (дед Блока) был вечно погружен в свои книги и гербарии, с полным равнодушием относился к хозяйственным нуждам и заботам. Хозяйством занималась его жена Елизавета Григорьевна (бабушка Блока). Дочь известного путешественника и ученого Карелина, она выросла в небогатой семье, с детства привыкла к трудностям и недостаткам. Но когда кто-нибудь из домашних или прислуги допекал своим непослушанием, она шла к мужу и просила его выполнить роль «главы семьи», т.е. пойти и покричать на провинившегося. Плохо понимая что от него хотят, Андрей Николаевич послушно покидал свое кресло и выходил на

Е. Г. Бекетова,
бабушка Блока

крыльцо. Рассеяно оглядываясь, недоумевая в какую сторону следует «покричать». Выполнив поручение, он виновато улыбался и тут же уходил обратно.

А. Блок

Наверное, если бы Саша родился в другой семье, его бы считали странным ребенком. Но в доме Бекетовых, где сам воздух был пропитан любовью к слову и литературе, поведение Саши не вызывало удивления. Шестилетний мальчик, вдруг среди самых резвых игр становился молчалив и задумчив и что-то бормоча уходил от своих сверстников. Все понимали: он сочиняет стихи. Одна за другой стали появляться тетради

со стихами, исписанные детским почерком. Тетради эти были с очень интересным названием «Мамулин альбом».

Мама с тревогой поглядывала на сына, вроде мальчик как мальчик, но уже к 7 годам обозначилась в его характере особая замкнутость. Он стал немногословен, сдержан. Маленький Саша был начисто лишен хитрости и лукавства. Он никогда не лгал, и не подольщался к взрослым, как это подчас делают другие дети. У него было хорошее, здоровое детство с елками, нянями, с многочисленными родственниками, которые все его обожали и баловали. Обстановка в доме была замечательная. Но, начиная с самого детства как и у матери порывы веселости, смеха сменялись у Саши капризами и вспышками гнева.

Мать и сын были очень привязаны друг к другу. В нем даже было что-то от «маменькиного сынка». Они постоянно обменивались мыслями, чаще в письменном виде. Александра Андреевна играла огромную роль в духовной жизни Блока. Вместе с тем характер матери был неровным, двойственным, в нем сочетались черты прямо противоположные. Ей была свойственна частая смена настроений. Нередко на нее находили припадки беспричинной злобы, которые быстро проходили, сменяясь такой милой горячей ласковостью.

Особенно тяжело давались ей темные зимние месяцы. Хуже всего она чувствовала себя в ноябре (в ноябре же родился Саша). Сестра ее считала, что такая неуравновешенность вызывалась такими свойствами натуры (впоследствии проявившимися и у Блока), как повышенная впечатлительность, нежность, страстность, склонность к мистицизму. Конечно у нее была расшатанная, а временами и просто болезненная психика и забегая вперед скажу, что Александра Андреевна, впоследствии пережив сына, приняла на себя самые страшные вины. Она говорила, что во многом виновата перед Сашей.

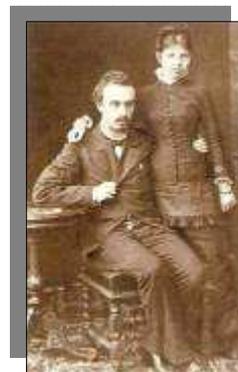

А. Блок с матерью
А. А. Блок

А. А. Блок, мать поэта

А пока Александра Андреевна это молодая цветущая женщина на жизненном пути которой встречается молодой ученый-правовед Александр Львович Блок. Поначалу Александре просто льстило внимание этого красивого человека, нравились его тонкие комплименты, игра на фортепиано. Когда он сделал ей

Родители А.Блока

предложение, она отказала ему. Но тут-то мать как раз и посоветовала Але еще раз подумать над своим решением,

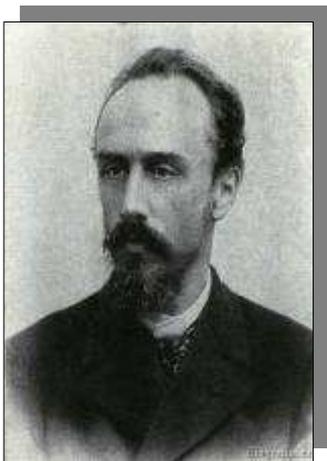
уверяла ее в том, что она оттолкнула необыкновенного человека, с которым бы она могла быть счастлива как ни с кем. Аля начала задумываться, вспоминать прошлое.

Результатом раздумий стал брак, совершившийся 7 января 1879 года. После заключения брака молодые уехали в Варшаву, где Александр Львович получил кафедру в университете. Александре Андреевне в ту пору было всего лишь 18 лет, она была весела, кокетлива, и грациозна. 35 лет спустя, посылая близкой знакомой снимок известного портрета Лопухиной, работы Боровиковского, Александра Андреевна писала: **«Эта Лопухина так на меня похожа, как я была в молодости — мой портрет».**

Через два года родные не узнали ее, похудевшую, побледневшую, с потухшими, испуганными глазами. Жизнь с мужем оказалась очень тяжелой. Он истерзал ее своим деспотизмом, вспышками ревности, скупостью.

Огорченные и возмущенные Бекетовы уговорили Александру расстаться с ним, чтобы уберечь и себя и новорожденного сына. Александр Львович противился этому решению, он продолжал любить жену, каялся в содеянном перед «мадонной» и «мученицей», как называл он ее в письмах.

Вообще это был очень неординарный человек. Александр Львович происходил из обрусевшего немецкого бюргерского рода Блоков. В молодости он был очень сентиментален, писал и даже печатал стихи, имел незаурядные музыкальные способности. Но вместе с тем это был очень жестокий человек. Родная сестра матери поэта, а впоследствии первый биограф Блока писала, что в быту с ним было очень тяжело. Муж держал молодую жену впроголодь и даже бил ее, ей доставалось за всякое несогласие во мнениях, за недостаточное понимание музыки Шумана, за плохо переписанную страницу его диссертации и т. д.

А. Л. Блок,
отец поэта

Но несмотря на этот Александре Андреевне нелегко дался этот развод. Было много и хороших минут, когда он нежно ласкал ее, они проводили много приятных часов за чтением и обсуждением прочитанного. Но тем не менее развод состоялся.

Надо сказать, что все четыре сестры Бекетовых отличались житейской наивностью и совершенной непрактичностью в быту. И Александра, впоследствии в горькие минуты вспоминала «этих Бекетовых», виня их за все свои неудачи. Главной своей ошибкой она считала брак с отцом Блока.

Действительно, как и при увлечении старшей сестры Екатерины, родители совершенно не могли оценить дочернего избранника, предугадать вероятные течения событий и предостеречь горячо любимых детей от опрометчивых поступков. Мать Блока (Александра Андреевна) впоследствии не раз говорила «о редком незнании людей и жизни», которыми отличалась их семья.

И хотя внешне она скоро оправилась и снова похорошела, развод обострил противоречивость ее характера, очень нервного с самого детства. Она была крайне порывиста, раздражительна, неуступчива, категорична и эгоистична. Видимо втайне она сама боялась своего характера. Время шло своим чередом. Семья благосклонно отнеслась к новому увлечению дочери — скромному, робкому гвардейскому офицеру. Отчимом Блока становится Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух.

Ф. Ф. Кублицкий-
Пиоттух

Из профессорского дома мальчик переезжает в казармы, в совершенно чуждую и непонятную ему офицерскую среду. Добряк Франц Феликсович обожает жену, но довольно равнодушен к ее сыну. Александра Андреевна приходит к выводу, что снова сделала ошибку. С большим трудом выдерживает она роль хозяйки дома, вынужденной принимать сослуживцев и товарищей Франца Феликсовича. Припадки черной меланхолии усиливаются.. В письме к матери она кается в своем адском характере. Порой она жестоко обижает мужа, мать, сестру.

Вся ее любовь сосредотачивается на сыне. *«Образ матери склоненной»*, - благодарное воспоминание, вынесенное Блоком из детских лет. В раннем детстве он с ней был особенно ласков, позже она стала не только его наставником в чтении, но и поверенным его тайн, первым ценителем его стихов, внимательным и чутким советчиком. Но все таки материнское влияние на Блока было противоречивым, в основном из-за ее характера. Она была очень неуравновешенным человеком, ей была свойственна частая смена настроений.

Отсутствие общих интересов, погруженность в жизнь сына, неизбежно привело к тому, что Александра Андреевна и Франц Феликсович совершенно стали чужды друг другу, а к концу жизни и просто неприятны.

А. Блок

В 1890 году Александр Блок поступает в гимназию. Учиться ему скучно. Переход из уютного семейного очага к жесткой атмосфере казенной гимназии слишком резок. Все, от учителей до товарищей, кажется мальчику диким, грубым, чуждым. Он был «тепличным» ребенком. Учение в гимназии с ее формальными педагогическими приемами немного дало будущему поэту. Пожалуй он стал еще более замкнутым и самоуглубленным.

При участии матери, бабушки и некоторых знакомых Блок начал издавать рукописный журнал, выходивший в течении трех лет. Он писал в него свои стихи, рассказы и сам иллюстрировал.

Летом 1897 года он едет с матерью и теткой отдыхать в Германию на курорт. Здесь он

познакомился с женщиной, оставившей глубокий след в его творчестве. Спустя годы он посвятит ей цикл стихотворений и назовет его «Через 12 лет». Имя этой женщины Ксения Михайловна Садовская. Это была статная, высокая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Блоку в ту пору не было и 17 лет, ей 32. Садовская была почти ровесницей его матери. Он ею увлекся. Всем окружающим влюбленность поэта казалась очень забавной. Мать Блока в одном из писем родителям пишет, что Сашура пленил барышню 32 лет, мать троих детей. Не мудрено, что этот успех, да еще поощренный подобным отношением матери ко всей этой истории, совсем вскружил ему голову, тем более, что в гимназии, где он тогда учился процветало соперничество в «опытности» и «мнимой зрелости». Он долго и не безрезультатно за ней ухаживает. Но вот возникает связь и Блок охладевает. Поэзия и проза жизни оказались для поэта романтика несовместимы. Блок почувствовал себя в романе с Садовской поэтом, но так же и понял, что любовь и жизнь для него не совместимы. Именно это убеждение сыграет решающую роль в браке с Любей Менделеевой. Много лет спустя обо всем этом он напишет стихи и назовет их «Унижение».

К. М. Садовская

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...
Чу: по мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?

Т.е. унижение не только женщины, но и унижение здорового юношеского порыва и любви, гибель чистоты, поругание молодого настоящего счастья.

Но победа, «успех» Блока в том, что он не предал забвению то прекрасное чувство, которое, ну так случилось, возникло среди пошлой обстановки светского курорта, не усмехнулся над ним и над женщиной, казавшейся прочим просто кокетливой барышней.

Судьба Садовской сложилась очень не просто, трагически. После отчаянных попыток сохранить отношения с Блоком, оставленная им, она еще не знает, что через 12 лет ложный слух о ее смерти всколыхнет поэта и отзовется циклом стихов, который навсегда останется в любовной лирике.

У нее были крайне болезненные и вечно больные дети. Когда выросли, разлетелись кто-куда. Умер муж. В голодном 1919 году она, уже одинокая старая женщина идет пешком в Одессу, питаясь по пути колосьями пшеницы,

чтобы не умереть с голоду. И единственное, что у не осталось от жизни — связка блоковских писем.

Как самостоятельная поэтическая личность Блок формировался в юности очень медленно. В «тепличной» атмосфере Бекетовского дома, где был очень слаб приток впечатлений из внешнего мира, выработать собственную поэтическую манеру было не легко. И решающую роль сыграла здесь его встреча с Садовской.

По окончании гимназии Блок поступает на юридический факультет того самого университета, ректором которого был некогда его дед. Проучившись три года он понял, что совершенно чужд юридическим наукам. Он переводится на филологический факультет. В общей сложности Блок проучился 8 лет и закончил учебу в возрасте 25 лет известным поэтом и женатым человеком.

Л. Д. Менделеева

А женат он был на Любовь Дмитриевне Менделеевой, дочери известного химика Менделеева.

Имена Блоков и Менделеевых находились рядом. Молодой Александр начинает регулярно посещать Боблово — имение Менделеевых. Блок серьезно готовит себя в актеры и принимает активное участие в любительских спектаклях, которые устраивает группа молодежи в Боблове. Он выступает в роли Ромео, Гамлета, Чацкого. В этих спектаклях принимала участие и Люба Менделеева.

Блок начинал свою литературную деятельность как представитель декадентско-символического течения. Это течение возникло в России на рубеже двух столетий. Оно призывало к уходу от реальной, земной

жизни и звало в иные миры — блаженные и призрачные. Декаденты утверждали, что только во имя этих неведомых миров и призван творить художник.

В его ранних стихах никаких отчетливых форм — клочки видений, обрывки событий. Никто кроме него не умел быть таким непонятым. Обычный вопрос: почему Блок писал непонятно? Да потому что посвящал в это время стихи предмету таинственному, непостижимому. Представьте, что вдруг в «Стихах о Прекрасной Даме» появилось бы имя героини, приметы ее лица, одежды.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный.
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный
Смотрю на темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль...

Но тем не менее всегда за самым фантастическим образом женщины у Блока стоял живой, вполне реально существующий прообраз. За книгой стихов о Прекрасной Даме стояла Любовь Дмитриевна Менделеева.

Она произвела на него очень сильное впечатление. Она стала для него *«Прекрасной Дамой и Вечноженственной подругой»*. Она пленила его не только красотой и молодостью, но и душевным здоровьем.

Но Люба оказалась вполне земной женщиной, чуждой всякой отвлеченности к мистике, а Блок посылал ей восторженные стихи, в которых ей отводилась роль неземной женщины. И получая подобные стихи Любовь

А. Блок и Л. Менделеева

Дмитриевна вообще не понимала что же происходит. Она ждала от Блока совсем другого, а ей приходилось играть роль *«некоей отвлеченной функции»*, как сама она впоследствии выражалась. Между тем приближалось решительное объяснение. Она пишет Блоку письмо, в котором твердо отказывается от навязанной ей роли, обвиняет Блока в том, что он смотрит на нее как на отвлеченную идею и не видит в ней живого человека. *«Вы от жизни тянули меня на какие-то высоты, где мне холодно, страшно и скучно»*, - писала Любовь Блоку.

Тем не менее была отпразднована свадьба.

Незнание церемонии обряда было причиной того, что жених и невеста совершают одну оплошность за другой во время венчания. Блок вместо того, чтобы прикоснуться губами к серебряному венцу, берет его в руки, Любовь Дмитриевна одна выпивает на венчании все вино. Эти дурные приметы тоже играли свою пока еще никому не слышную мелодию.

Друзья Блока по перу (Гиппиус, Мережковский, Бальмонт) углядели в

свадьбе Блока насмешку над мистикой, кощунство. Факт женитьбы вступил в полный диссонанс со стихами. *”Как же мне теперь относится к его стихам”*,- писал огорченный Белый, что впрочем не помешало ему в дальнейшем иметь серьезные отношения с Любовью Дмитриевной. *«Действительно,- писала Гиппиус,- к стихам вашим женитьба крайне нейдет и мы этой дисгармонией очень огорчены»*. *«Не правда ли,- спросила она у Блока — ведь говоря о Ней вы не имеете ввиду какую-то реальную женщину»*. И он стыдливо опустив глаза ответил: *«нет»*. *«И мне стало стыдно за свой вопрос»*,- вспоминает Зинаида Гиппиус.

Любовь Дмитриевна вспоминала впоследствии о своей жизни после замужества: *«Думаете началось счастье? Началась сумбурная путаница»* и причина того, как считает Любовь Дмитриевна кроется в том, что хотя любовь Блока и была громадной, необъятной, она вся ушла в духовность и этому способствовала модная в то время концепция о том, что путь к истинной «вечной любви» лежит через истребление «дракона похоти».

В сознании Блока, как считает Любовь Дмитриевна на всю жизнь образовался разрыв между любовью плотской, телесной и духовной, неземной. Этот разрыв нужно было побеждать. Кто это мог сделать? Она пишет, что оказалась к этому совершенно не подготовленной, но она понимала, что суть их конфликтов лежит именно в этом. Любовь Дмитриевна писала в своих воспоминаниях, что Блок постоянно уверял ее в том, что им не надо физической близости, что все это «темное», «нехорошее». И когда я говорила ему, что люблю его и хочу его, он уверял меня в том, что такие отношения не могут быть длительными и все равно он уйдет неизбежно к другой. *«А я?»*,- спрашивала Любовь Дмитриевна. *«И ты так же»*,- был ответ. *«И это приводило меня в отчаяние»*,- пишет она.

Люба рыдала дни и ночи напролет. Но все произошло как по «писанному». Молодость все же иногда бросала друг к другу живших рядом. «И в один из таких вечеров «неожиданно для Саши» и со «злым умыслом моим» произошло то, что должно было произойти»,- вспоминала молодая жена. С тех пор установились редкие, короткие, по-мужски эгоистичные встречи, к весне 1906 года и это немного прекратилось.

Блок не мыслил себя вне времени. А время в которое он жил воспринималось им как эпоха кризисная, переломная, чреватая всякими потрясениями и неурядицами в любой сфере и в общественной и в интимно-бытовой. Поэтому он покорно мирился с неблагоприятием в собственной семье и ни разу не сделал попытку что-либо изменить. Он принял свое положение, свою драму (виновником которой он был сам) как крест, который он должен нести до конца. Любовь для Блока так же важна и значительна, как 9 января и русско-японская война. Это единые этапы — этапы крестного пути.

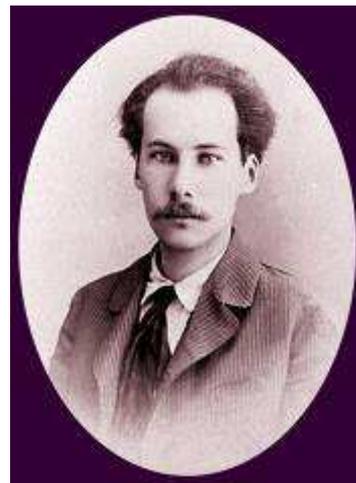
Период ухаживания завершился, он соединился со своей возлюбленной, которой продолжал посвящать стихи. Вышла первая книга Блока «Стихи о Прекрасной Даме». Как поэт он уже сложился, выработал свой творческий метод, в основе которого лежало романтическое иносказание и

зашифрованность.

После свадьбы он ведет насыщенную общественную жизнь, знакомится с Брюсовым, начинается его переписка с Андреем Белым, которому суждено было сыграть крайне важную роль в жизни Блока.

Я уже упоминала, что Блок внушал Любе, что путь к истинной, вечной любви лежит через истребление «дракона похоти», но, с другой стороны он проповедовал полную свободу изживать свои земные страсти на стороне. *«И хотел Блок этого или нет,- писала Люба,-он сам толкнул меня на этот путь вседозволенности»*. И она очертя голову кинулась в этот омут.

«Брошена на произвол всякого, кто стал бы за мной упорно ухаживать»,- так рисует Любовь Дмитриевна положение в котором она оказалась. Тут-то и возник Андрей Белый и вскружил голову Любови Дмитриевне. И она словно заново расцвела задышала молодостью и свежестью. Белый считал, что брак Блоков — это «ложь» и отказавшись от тех взглядов, которые сам проповедовал, доказывал Любе, что полюбил ее как живую, прекрасную женщину. Мало знавший женщин, он сумел представиться Любе опытным Дон-Жуаном. Каждый день приходил к Блокам, дарил цветы. Они мечтали с Любой о заграничном путешествии. Белый был готов бороться за Любу ценой всей жизни.

А. Белый

Блок поначалу отнесся к этим событиям довольно инертно, о чем впоследствии сожалел, а Люба уже пребывала в жутком сомнении и колебалась между Блоком и Белым. Выбрала Блока. Белый был в истерике. Болтал с первым встречным о своей драме, жаловался на жестокость Любы, закидывал Блока сумасбродными письмами.

Для Блока Любовь Дмитриевна была единственной настоящей любовью, которую он пронес через всю свою жизнь.

Обстановка в семье Блоков была очень напряженная. Непростые отношения сложились между женой и матерью Блока. На таком фоне семейная драма получает свое продолжение. Обе эти женщины очень любили Блока, но совершенно не ладили между собой. Болезненная любовь матери к сыну, ее неуравновешенность тоже тяжело влияли на атмосферу молодой семьи. Любовь Дмитриевна пытается подстроиться, но мало что из этого получается. Ровными отношения супругов назвать никак нельзя.

В письмах он постоянно говорит о любви к ней, о том как он тоскует, беспокоится за нее. И тут же в записную книжку для себя запись: *«Люба довела мать до болезни. Люба отогнала от меня людей. Люба испортила мне столько лет жизни. Люба на земле — страшное, посланное для того, чтобы мучить и уничтожать ценности земные»*. Люба — Прекрасная Дама и Люба — это что-то страшное на земле. Крайности и колебания поразительные.

Но в самые тяжелые минуты они все таки находили в себе силы сказать друг другу *«Было же и хорошее...»*.

История Блока, Белого и Любовь Дмитриевны прошла через все творчество Блока и Белого. Отношения Любовь Дмитриевны и А. Белого Блок затронул в двух пьесах «Балаганчик» и «Роза и крест». Личная драма была для него крушением личных романтических иллюзий. Но эта драма имела не только трагическую сторону. Рассеиваются иллюзии — эта трагедия, но открывается новая реальная жизнь, земная, подлинная. Постепенно начинают исчезать нотки высокомерного отношения к обыденной жизни, она становится объектом заинтересованного внимания поэта.

Не заоблачные миры, а быт, ежедневное дело, которые так презрительно игнорировались эстетам и мистиками все более властно стали звучать в его произведениях. Именно в пьесе «Балаганчик» поэт расстается со своим мистическим прошлым. Непрост и нелегко был путь Блока, приведший его от мистической замкнутости к реальной, земной, подлинной жизни. Тоска по подлинному чувству выразилась в знаменитом стихотворении «Незнакомка», которое вошло во второй стихотворный сборник Блока, названный «Нечаянная радость». Именно это стихотворение принесло ему всероссийскую известность. Именно с этого сборника Блок был восторженно принят публикой и прессой. Все меньше мистики, символов, все больше реальности. Поэтому «Незнакомка» и вызвала протесты со стороны бывших единомышленников Блока. Стихотворение сразу же стало любимым среди молодежи.

Далее выходит его сборник «Снежная маска». Он был навеян томительной и безответной любовью поэта к актрисе театра Наталье Николаевне Волоховой.

Любовная игра захватила поэта, но не поколебала его чувств к Любови Дмитриевне. 13 стихотворений этого цикла он создал всего за 2 недели. Чуть позже он пишет статью «о реалистах», которая послужила непосредственной причиной разрыва с Белым. В ней Блок резко противопоставил себя символистам, он уходил из узкого символистского круга. Именно в произведениях писателей реалистов он увидел литературу нужную массам. Позже выходит его третий сборник «Земля в снегу».

В 1909 году у Любови Дмитриевны рождается ребенок. Блоку казалось, что это будет началом их новой жизни. Родившегося мальчика назвали Дмитрием, в честь деда Менделеева. Но надеждам не суждено было сбыться, ребенок умирает, прожив всего 8 дней. Об этой утрате Блок помнил всю жизнь и каждый раз в своей записной книжке он писал: «Сегодня день рождения Мити — 5 лет». Огромная усталость наваливается на него.

Н. Н. Волохова

В конце этого же года Блок спешно выезжает в Варшаву. Там умирал человек, которого он плохо знал и чуждался, чье имя произносилось в доме редко и неохотно. Этот человек был его отец, профессор Варшавского университета, юрист, философ Александр Львович Блок.

Александр Львович невзлюбил семью Бекетовых, и они так и не смогли простить ему жестокого отношения к жене. Все это отгородило ребенка от отца, хотя видеться им не препятствовали. Но отношения между отцом и сыном не сложились. Александр Львович был очень обижен, что сын не пригласил его на свадьбу. Блок томился от одной мысли видеться с отцом. *«Господи, как с ним скучно и ничего общего»*, - писал он.

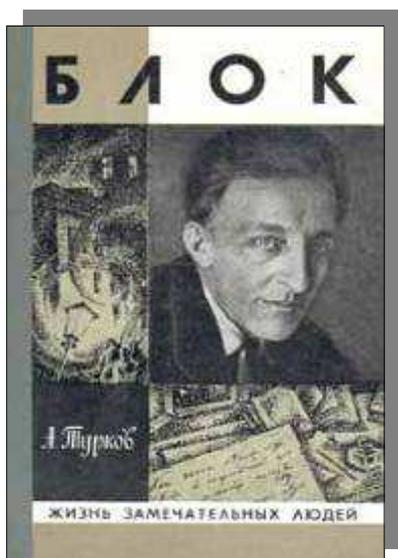
Приехав к умирающему отцу, Блок много общался с людьми, которые его окружали. И благодаря этим людям он увидел своего отца в совершенно другом человеке. Позже, разбирая архив отца, поэт много думал о нем. Он нашел в этом человеке немало близкого себе. Блок понял, что его отец был очень яркой, цельной личностью и необыкновенно одиноким человеком. Александр Львович был очень талантливым человеком, но не сумел распорядиться им что-ли. Научное наследие его было скромное. Последние 20 лет он трудился над сочинением, посвященным классификации наук. Современники, писавшие о нем, говорили что он был необыкновенно красив, черноволосый, с бледным удлинённым лицом, серо-зелеными глазами, тонкими чертами Александр Львович сразу же привлекал внимание. Выход своим лирическим порывам он находил в музыке. Отец Блока был талантливым пианистом.

Впоследствии когда поэт был уже взрослым, а Александр Львович умер, Александра Андреевна написала в одном из своих писем: *«На днях я видела во сне его отца, как живого. Вот тут то и есть точка моей боли»*.

Впоследствии мать Блока говорила, что любила только Александра Львовича.

Вернувшись с похорон отца Блок задумывает поэму «Возмездие», взяв за основу сюжета судьбу своего рода. Это своеобразный роман в стихах. Поэма произвела ошеломляющее впечатление и это был уже окончательный отход от символизма. Блок хоть и отошел от символистов, но всегда ценил их и говорил, что эти писатели оказались носителями духа времени, поскольку они предчувствовали и предсказывали разворачивающиеся мировые события.

В момент, когда Александр Блок целиком сформировался как поэтическая личность, произошла встреча, которая оставила глубокий след в его душе и творчестве. Я имею ввиду встречу с артисткой театра Музыкальной драмы Любовью Александровной Андреевой-Дельмас, исполнительницей роли Кармен в опере Бизе. Увлечение Блока было очень сильным и захватывающим. В результате появился цикл стихотворений «Кармен». Он не знает, что делать ему с

нахлынувшими чувствами, он пытается понять, что нового оно может принести ему. И приходит к мысли, что в любви, страсти может таиться не только гибель, но и возрождение.

Они много встречались. Но в жизни Кармен оказалась несколько иной, чем на сцене. Как-то сказала ему: **«Боюсь любви»**. А он в ответ перекрестил ее.

А тем временем жизнь страны неудержимо неслась к Октябрю. Мысль о революции все время волновала Блока. Он жадно прислушивался к тому, что говорят на эту тему, сам вызывал знакомых на эти разговоры. Он услышал в ней отзвук своему давнишнему убеждению: **«Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в то, чего нет на свете, а в то, что должно быть на свете: пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна»**. В этих словах и заключена Л. А. Андреева-Дельмас разгадка устремленности поэта навстречу революции.

А. Блок

Блок пишет свою знаменитую поэму «12». Он считал, что это лучшее из того, что он написал. При всей присущей ему скромности и сдержанности, закончив поэму он сказал: **«Сегодня я — гений»**. Поэма была написана за 3 недели. Поэмой восхищались, поэму проклинали. Она вызвала бурю эмоций, толков, пересудов.

Блок не политик, он поэт, он и революционные события воспринял как поэт, скорее сердцем, чем разумом. Блок ждал приближения революции, он не боялся ее, а жаждал. Революцию он воспринял как необходимое, неизбежное явление жизни, как ее обновление. Катька, Ванька, Петруха (герои поэмы) — это реалии настоящего, не очень понятного и будем откровенны — чуждого Блоку дня революции. Но он знает, что они приходящи. За ними новая, светлая жизнь. **«Это ведь только сначала кровь, зверства, а потом-клевер, розовая кашка...»**, — записывает он в своем дневнике. И Блок еще какое-то время мирится со взрывами революционных эксцессов, как с неизбежностью, поскольку как он писал «свои стремления народ и в прошлом выражал на диком, непонятном для гуманистов языке». Однако превращение насилия в заведенный обиход плюс усвоенное новым государством прежнее бюрократическое наследие — все больше настораживало поэта.

Блок не испугался революции, но позже потерял ориентацию, уже не знал куда ведет ее путь: к добру или злу. Каждый отказ от прежних убеждений воспринимался им как собственное падение. Это был раскол внутри себя, внутри Идеала.

Поэма явилась откликом на события Октябрьской революции. И она принадлежала к числу спорных произведений. Оценка «12» зависела от того принял человек революцию или нет. И каждый трактует ее на свой лад и тогда и сейчас. Например, некая дама, читавшая в университете спецкурс «Творчество Блока и его изучение в школе», утверждает, что поэма умерла. Поэму не любят, не читают, знать не хотят и учителя просят ее убрать из школьной программы. Она утверждает, что поэма может когда-то и воскреснет, но не скоро.

Блок написал «12» и стихотворение «Скифы» - последние свои стихотворные произведения. Стихов после этого он больше не писал. Кончилась эпоха, кончилось и поэтическое творчество. Блок прожил после революции еще 3 года. В эти годы он пишет статьи, рецензии, много переводит, выступает с докладами. Общение с публикой давалось ему нелегко.

Главнейшая особенность Блока — его любовь к молчанию, к тишине, холоду и мраку. Блок и был поэтом холода и тишины. Он не любил многословия, красноречия. Не любил выступать перед публикой. Довольно частые его выступления в последние годы жизни объясняются лишь необходимостью поправить свои материальные дела. Для него публичные выступления вовсе не были потребностью.

Иной раз он обещал приехать на вечер, почитать стихи, и не сдерживал слова, обманывал, не мог принудить себя к тому, к чему не лежала душа.

Он много работает, трудится на разных постах. Но за всем этим, как шагреновая кожа съеживалась, уходила жизнь. Уносили ее невероятные трудности этих лет гражданской войны и разрухи. Кругом был голод, холод, появилось в русском языке новое слово «полк», а тут еще больная мать, квартиру, которую по тем временам уплотняют, пришлось продавать и рубить на дрова мебель, ушла прислуга и быт обрушился на Блоков всей своей тяжестью.

Участились ссоры матери и жены, изнуренных новыми, непривычными для них условиями. Мать и жена Блока прожив столько лет рядом, так и не смогли найти общий язык, а к концу жизни поэта просто не выносили друг друга. Некоторые говорили: *«До чего же они обе не умели его беречь»*. А ведь он любил их обеих.

Все это очень его огорчало, но он избегал говорить о своих настроениях. Но иногда они прорывались наружу, помимо его воли. Так однажды в разговоре с одним писателем, который рассказывал Блоку о своих литературных планах, Блок вдруг прервал рассказчика вопросом: *«Вы хотели бы умереть?»*. Тот ответил: не то *«нет»*, не то *«не знаю»*. Блок сказал: *«А я хочу»*.

Он очень устал. Устал от болезни, от предательства мнимых друзей, от вечных ссор матери и Любы, устал от непрестанных раздумий о судьбе России, о революции, в которой он впоследствии разочаровался. Однажды по возвращении из Венеции Блок записывает в своем дневнике: *« Утром проснулся и смотрю из окна вагона. Дождик идет, на пашнях слякоть, чахлые кусты, и по полю трусит на кляче одинокий стражник. Я ослепительно почувствовал где я: это она - несчастная моя Россия,*

заплеванная чиновниками, грязная, забитая, слюнявая, всемирное посмешище. Здравствуй матушка!». Как грустно, что до сих пор эти слова звучат актуально для нашей страны.

Вокруг Блока всегда вьются люди, борющиеся за его душу. Они считают, что точно знают, что ему ближе и нужнее, от чего ему надо отказаться. Блок устал от самого себя. Но он еще пытался себя спасти. У него был друг Терещенко, с которым он часто и подолгу вел интересные и в тоже время мучительные разговоры. *«Терещенко говорил... о том, что он закрывает некоторые дверцы с тем, чтобы никогда ни отпирать; если отпереть — только одно остается — спиваться. Средство не отпирать (закрывать глаза) — много дела, не оставлять свободных минут в жизни, занять ее всю своими и чужими делами»*, -записывает Блок и делает пометку: *«!!!о!!!»*.

Но ничего не помогает. Он становится очень раздражительным. К тому же он стал внезапно выключаться из разговора, переставал слушать собеседника и только бормотал: *«Зачем это... к чему это все...»*. Разрушенная жизнь разрушала сознание. Он не мог ясно мыслить и тем более писать, когда не видел ни цели, ни смысла происходящего.

Блок умер 7 августа 1921 года. Ему не исполнилось и сорока одного года. Умер ли он от ревмокардита, умер ли от того, что не хотел жить, или от того, что умер. Мы все еще не знаем правды о его смерти.

Современник писал: *«Весь Петербург и, конечно, вся Россия знала как были ужасны его последние часы. Никакой, поддающейся диагнозу болезни у него не было, хоть и говорили о грудной жабе. Он так кричал и бился, что обожавшая его мать молила Бога, чтобы сын ее скорее умер»*. Многие говорили, что он сошел с ума. Но скорее, писал Чуковский в своем дневнике это не было безумием, это был постепенный распад личности. Все это выражалось в том, что Блок в конце жизни мог пройти мимо давнего знакомого, не заметив его и не поклонившись, мог дважды подряд отправиться в одно и тоже учреждение и т.д.

Более основательным все же выглядит предположение о ревмокардите. Блок никогда не отличался крепким здоровьем. От матери он унаследовал нервность и впечатлительность, от отца — любовь к одиночеству. Блок был подвержен мигреням и приступам слабости, а о тоске и унынии свидетельствует чуть ли не каждая страница его дневника. Все это тоже разрушало и подтачивало его здоровье.

Смерть очень изменила черты Блока. Голова была коротко острижена, резко обозначились мышцы носа, казавшегося огромным. Он сильно похудел во время болезни. Художник Анненков, который рисовал иллюстрации к поэме «12», зарисовал поэта в гробу. Гроб был завален цветами и венками. Голову покойного окружали хризантемы. На похороны пришло

Дом- музей А.Блока

очень много людей. Гроб всю дорогу несли на руках. За ним шла толпа не менее тысячи человек.

В церкви служили великолепно. Пели литургию Чайковского и поэтому богослужение очень затянулось. Несли цветы еще и еще... Прозрачный и звонкий девичий голос пел в хоре «о всех усталых в чужом краю».

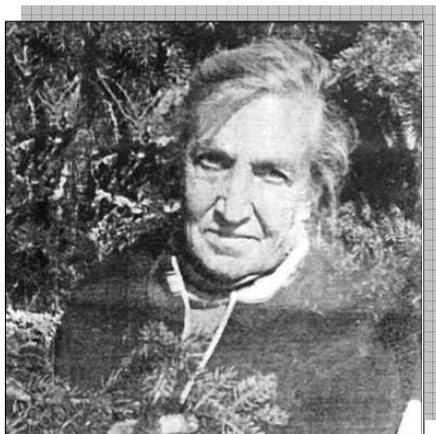
Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, - плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Его похоронили без речей, не было произнесено ни одного слова. Блоку хотелось, чтобы могила была простой и чтобы на ней рос клевер. На могилу поэта в первую годовщину собралось не больше 7-8 человек, во вторую 2-3.

А. П. Люш

«Жалейте и лелейте своего будущего ребенка — писал Блок незадолго до своей смерти — если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней».

Принято считать, что у Александра Блока детей не было. Достоверно же известно: у Блока не было совместных детей с женой — Любовью Дмитриевной Менделеевой-Блок. Однако «бездетный» Блок, оказывается оставил после себя дочь. Зовут ее Александра Павловна Люш. О том, что ее отцом является Александр Блок она узнала в зрелом возрасте при особых обстоятельствах.

Александра Павловна жила вместе с «мамой», как она считала Марией

Сергеевной Сакович. Мария Сергеевна была главным врачом, терапевтом при только что созданном в Петрограде Большом драматическом театре. Там она часто встречалась с Блоком, который занимал пост председателя дирекции театра. Как врач, а потом как близкая знакомая она посещала квартиру Блоков. Все считали ее родной матерью Александры Люш. И лишь когда девочка повзрослела, Сакович сказала ей, что она не родная ее дочь, а приемная. А настоящая ее мать Александра Кузьминична Чубукова, тоже медик. Она была соседкой Сакович по даче, куда часто приезжал Блок. Ей было 27 лет. Обаятельная сестра милосердия живо интересовалась театром, музыкой, поэзией. Блок обратил на нее внимание. Она была последним его увлечением. В мае 1921 года после родов и обострения туберкулеза Александра Чубукова умирает. Многие, в том числе и старший научный сотрудник музея-квартиры Блока, и Ахматова, Одоевцева заявляли, что они не сомневаются в праве Люш считать поэта своим отцом, хотя в метрике Александры Павловны Люш — в графе «отец» - прочерк. Они внешне очень похожи. Александра Павловна по образованию — медик, по влечению души — театральная художница — декоратор, чаще всего вспоминает свою «мату» Сакович, которую Блок попросил перед смертью удочерить ребенка Чубуковой. О настоящей своей матери она вспоминает редко, не очень охотно. Но об отце у нее всегда самые теплые слова, она любит и ценит его стихи.

А. П. Люш

И напоследок мое любимое стихотворение Александра Блока.

Мы забыты, одни на земле,
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Все, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Все прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только вот принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь, тогда...
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.